

ИСТОРИОГРАФИЯ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ В БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ США (1945—1985)

■
А. Е. Кунина

Ни одно выдающееся историческое событие не оказало такого влияния на жизнь всех народов и всех стран, на судьбы человечества, как Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Любой сколько-нибудь важный вопрос сегодняшней общественной и политической жизни несет на себе явственный отпечаток Великого Октября.

Это была первая победоносная пролетарская революция. Она коренным образом изменила социально-экономический уклад и политический строй крупнейшей мировой державы, показала пример революционного решения назревших социальных проблем.

Великая Октябрьская социалистическая революция, впервые пробив брешь в системе империализма, положила начало расколу мира на две противоположные социальные системы, открыла новую эпоху — эпоху крушения капитализма, смены его новой, коммунистической общественно-экономической формацией и тем самым вызвала перелом в мировом развитии. При всем ее своеобразии Октябрьская революция — классический образец социалистической революции, она решила задачи, которые остаются сегодня центральными для стран несоциалистического мира.

Естествен огромный интерес к истории Великого Октября. Советская историография Октябрьской революции насчитывает тысячи названий, среди которых с каждым годом возрастает число монографических исследований. За предшествующие годы накоплен и обобщен большой фактический материал и научная разработка ряда основных вопросов достигла определенной степени завершенности¹.

Растет число исследований, написанных историками социалистических стран. Внимательно и всесторонне изучают опыт Вели-

¹ Назовем лишь некоторые труды: История Великой Октябрьской социалистической революции. 2-е изд. М., 1967; История СССР: С древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 7; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967. Т. 3. Кн. 1; Голиков Г. Н. Революция.

кой Октябрьской социалистической революции выдающиеся деятели международного рабочего и коммунистического движения, лидеры национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

Выполняя социальный заказ, буржуазные ученые, защитники империализма также изучают историю Октября, стремясь учесть ее уроки в целях «предотвращения» революции. Буржуазные историки, используя различные средства, пытаются перечеркнуть всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, представить ее в виде «случайного», петицидного явления, обусловленного чисто русскими особенностями или временными обстоятельствами и не имеющего, следовательно, значения для международного рабочего и национально-освободительного движения.

Историография Октябрьской революции с самого начала является одним из боевых участков идеологической борьбы. Анализ буржуазных трактовок истории Октябрьской революции дается в многочисленных книгах, брошюрах и статьях советских историков³.

При всем многообразии подходов буржуазных историков к трактовке истории Октября (например, особенностях англо-американской

открывшая новую эру. М., 1967; Гапоненко Л. С. Великая Октябрьская социалистическая революция: Краткий исторический очерк. М., 1967; Он же. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1967; Т. 2. М., 1968; Т. 3. М., 1973; Он же. Октябрь и мировой революционный процесс // История СССР. 1977. № 5; Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973; Грунт А. Я. Москва, 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976; Поляков Ю. А. Великая Октябрьская. М., 1977; Баева Л. К. Социальная политика Октябрьской революции. М., 1977; Октябрь, историческая миссия социализма и современный мир. М., 1978; Зародов К. И. Три революции в России и наше время. М., 1978; Цыпкина Р. Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции. М., 1980; и др.

² См., в частности: Аптекер Г. О природе демократии, свободы и революции. М., 1970; Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974.

³ Зарубежная литература об Октябрьской революции/Отв. ред. И. И. Минц. М., 1961; Черняк Е. Б. Историография против истории. М., 1962; Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968; Марушкин Б. И. История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969; Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии антикоммунизма на современном этапе. М., 1970; Кунина А. Е. Развенчанные мифы: Против буржуазной фальсификации Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1971; Игрицкий Ю. И. Мифы буржуазной историографии и реальность истории: Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1974; Игрицкий Ю. И., Романовский Н. В. Критика буржуазной историографии трех революций в России. М., 1975; Крастин Ю. А. Революцией устранные: Критический очерк буржуазных концепций социальной революции. М., 1975; Жарков Н. Г. Против буржуазных фальсификаций истории Октября. Минск, 1975; Малафеев Л. Ф. Свет Октября и тени антикоммунизма. Свердловск, 1975; Великий Октябрь, рабочий класс и современная буржуазная историография. М., 1977; Исторический опыт Великого Октября и критика буржуазной историо-

риканской историографии по сравнению с западногерманской и французской) можно проследить определенные общие тенденции. Это, во-первых, преемственность старых, заложенных еще в кадетской и меньшевистско-эсеровской литературе концепций; во-вторых, стремление интерпретировать Октябрьскую революцию с учетом разного рода экономических и социологических «моделей»; в-третьих, попытки дискредитировать социалистическую общественную систему, у истоков которой стоит Великий Октябрь.

Наличие этих общих тенденций в буржуазной историографии в значительной мере обусловлено возросшей в послевоенные годы ролью «советологических» центров США, которые во все большей мере берут на себя функцию по координации усилий историков других стран, работающих по данной тематике.

Современная буржуазная историография вобрала в себя теорию и концепции, разработанные на протяжении полувека. Поэтому представляется целесообразным проанализировать основные концепции, сквозь призму которых на протяжении сорока послевоенных лет в США освещалась история Великого Октября. Прослеживается, с одной стороны, преемственность в буржуазной историографии антикоммунистических стереотипов; с другой — их эволюция и модификация в условиях изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, поиски более изощренных способов дискредитации первой в мире социалистической революции.



Откровенный антикоммунизм — отличительная черта буржуазной историографии США, Англии, ФРГ, Франции конца 40-х — 50-х годов.

В этом отношении она продолжала установившуюся с 1917 г. традицию. В ней преобладали клевета на Октябрьскую революцию и первое в мире социалистическое государство, фальсификация политики партии большевиков, учения марксизма-ленинизма. В США создаются в этот период исследовательские

графии. М., 1977; Марушкин Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три русские революции и буржуазная историография. М., 1977; Соловьев О. Ф. Триумф В. И. Ленина и банкротство его критиков. М., 1978; Мальков В. Л. Великий Октябрь и рабочий класс США 1918—1922 // Американский ежегодник. 1978. М., 1978; Романовский Н. В. Критика фальсификаций роли ленинской партии в трех революциях. М., 1979; Соболев Г. Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917—1970-е годы. Л., 1979; Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций/Отв. ред. И. И. Минц. М., 1983; Минц И. И., Наумов В. П. Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны // Изучение отечественной истории в СССР между XXV и XXVII съездами КПСС. М., 1982; Городецкий Е. Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982; Исторический опыт Великого Октября: Сб. статей к 90-летию акад. И. И. Минца. М., 1986.

центры по изучению истории СССР (при Колумбийском, Гарвардском, Калифорнийском университетах).

В изданных за этот период книгах буржуазных историков отрицалось наличие объективных предпосылок для социалистической революции в России, ее пролетарский характер, руководящая роль В. И. Ленина, партии большевиков, международное значение опыта Октября. Вслед за меньшевиками⁴ они возводили в абсолют экономическую отсталость России, утверждая, что она «не созрела» для социалистической революции. Успех революции приписывался стечению ряда обстоятельств, которых, по их мнению, будь в России более дальновидное правительство, можно было бы избежать. Так, М. Флоринский отрицал само слово «закономерность» в применении к Октябрю; Дж. Вернадский объяснял причину победы большевиков «нерешительностью» их противников, «ошибками» Временного правительства; У. Уолш вслед за белоэмигрантом Карповичем писал о «хаосе», наступившем в России после свержения династии Романовых⁵. Подчеркивался специфически русский характер Октябрьской революции, выдвигался тезис о «верхушечном перевороте»⁶.

В действительности Октябрьская революция победила не благодаря «случайностям» и не в результате «роковых ошибок» буржуазного Временного правительства. «Великая Октябрьская социалистическая революция, — отмечается в Постановлении ЦК КПСС от 31 января 1977 г., — явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитализма»⁷. В 1917 г. в России имелись все необходимые объективные факторы для победы социалистической революции. В условиях общенационального социального кризиса не буржуазия и соглашательские партии, в течение восьми месяцев стоявшие у власти, а российский рабочий класс, руководимый партией большевиков, имеющий за плечами опыт двух революций, обеспечивал организованность и порядок в стране. Благодаря высокому политическому сознанию пролетариат России сумел повести за собой трудящееся крестьянство. Организую-

⁴ «Реальные объективные условия, основные условия для осуществления социализма в России, — говорил Мартов уже после победы Октябрьской революции, в январе 1918 г., — отсутствуют» (цит. по: Поликарпов В. Д. Пролог гражданской войны в России. М., 1976. С. 43).

⁵ Florinsky M. Russia. A History and an Interpretation: Vol. 1—2. N. Y., 1953. Vol. 2. P. 1975; Vernadsky G. A History of Russia. Philadelphia, 1954. P. 232; Walsh W. B. Russia and the Soviet Union. Ann Arbor, 1958; Karpovich M. A Lecture on Russia History. N. Y., 1958. P. 42—44.

⁶ Вскрывая несостоятельность этого тезиса, встречающегося в буржуазной историографии, советские ученые подчеркивают: «Октябрьское вооруженное восстание показало, что социалистическая революция — не заговор не верхушечный переворот, совершенный группой „активных революционеров“, а движение, борьба народных масс во главе с рабочим классом, руководимым коммунистическим авангардом» (Федосеев П. Н., Александров С. В., Загладин В. В., Тропкин М. В. Ленинская теория социалистической революции и современность. 3-е изд., доп. М., 1980. С. 370).

⁷ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 г. М., 1977. С. 3—4.

тей и вдохновляющей силой выступила партия большевиков во главе с В. И. Лениным. Она соединила научный социализм с массовым рабочим движением и благодаря своей революционной программе, стратегии и тактике убедила и организовала массы на завоевание государственной власти⁸.

С конца 50-х годов в условиях дальнейшего углубления общего кризиса капитализма ряд исследователей на Западе обратили внимание на бесплодность огульного отрицания достижений социализма. В то время как историки правого толка повторяли старые стереотипы, стали вырисовываться контуры новой идеологической стратегии империализма. Многие историки начали рассматривать Октябрьскую революцию не как специфически русское явление, а как свойственную всем странам «революцию модернизации», имеющую место при переходе от «традиционного общества» к «развитому».

Наиболее распространенной «моделью» становится предложенная американским социологом У. Ростоу в 1960 г. теория, рассматривавшая всемирную историю как общее для всех стран (но осуществляемое в разное время) восхождение по пяти «стадиям экономического роста». Переломной Ростоу считает третью — «стадию взлета», на которой он помещает развивающиеся страны, а в исторической ретроспективе — Россию периода 1890—1914 гг., Англию 1783—1803 гг., Францию и США в 1830—1860 гг. Октябрьская революция, согласно этой схеме, обозначала вступление России в стадию «движения к зрелости»⁹. Включая Октябрьскую революцию в свои схемы «индустриального развития», сторонники концепции «модернизации» признавали: революция в России была необходима как путь модернизации страны. «Политическая революция произошла из-за того, что запаздывала индустриальная революция», — подчеркивал А. Гершенкрон¹⁰. Профессор Принстонского университета С. Блэк развивал концепцию об общем для всех стран процессе «модернизации», составляющем якобы содержание современной эпохи. По его мнению, в западных странах этот процесс, приведший к их

⁸ Подробнее об этом см.: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. кн. 1; Голиков Г. Н. В канун Октября: Нарастание общенационального кризиса. М., 1977; Гапоненко Л. С. Решающая сила Великого Октября. М., 1977; Ерыкалов Е. Ф., Камешков Б. Н. Ленинский ЦК — штаб Великого Октября. М., 1977; Панкратов Н. Р. Разработка В. И. Лениным военной программы пролетарской революции. М., 1980; Козначев А. А. В. И. Ленин о политическом руководстве массами в борьбе за социализм (ноябрь 1917 г. — 1923 г.). М., 1981; Токарев А. И. В. И. Ленин о деятельности большевистской партии по подготовке победы Октября. М., 1983; Метелица Д. А. Борьба партии большевиков за солдатские массы в трех революциях. Харьков, 1984; Журавлев В. В. Борьба партии за развитие социалистической революции и упрочение Советской власти (Октябрь 1917—1918) // Вопр. истории КПСС. 1986. № 6.

⁹ Rostow W. W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge (Mass.), 1960. P. 67—68, 93.

¹⁰ Gershenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective. Cambridge (Mass.), 1962. P. 9.

«экономической и социальной трансформации», начался еще в XVII—XVIII вв., в России же ему способствовала Октябрьская революция ¹¹.

Итак, рождение Советского государства рассматривалось уже не как «случайность», а как одна из форм становления современного «индустриального общества». Прогресса можно добиться и без социальной революции — таков главный вывод из теории Ростоу ¹².

Нетрудно заметить также, что, начав с тезиса о едином, общем для всех стран процессе «модернизации», буржуазные историки, конкретизируя его, протаскивали старую идею: путь Октября — образец революции в «отсталой» стране. «Русская революция, — подчеркивал Теодор фон Лауэ (переселившийся в 60-х годах из ФРГ в США), — принадлежит к новой категории революций — революциям в отсталых странах». В другой раз он писал: «Во многих своих чертах тяжкие испытания России от 1900 до 1930 г. предвосхитили страдания других народов на окраинах Европы: в Азии, Африке и даже Латинской Америке» ¹³. Из такой постановки вопроса следовало, что для индустриальных стран Запада проблема революции сама собой отпадает. «Революции ради», писал американский историк Ф. Шуман, могут происходить, «как и... в России, только в отсталых странах с аграрной экономикой» ¹⁴.

Попытки сторонников концепции «модернизации» свести причины Октябрьской революции к экономической отсталости и зависимости России совершенно несостоятельны ¹⁵. Во-первых, экономическое отставание не является само по себе фактором, содействующим социалистической революции; во-вторых, дореволюционная Россия неправомерно причисляется к разряду зависимых стран. В дореволюционной России, как подчеркивал В. И. Ленин, «новейше-капиталистический империализм оплетен,

¹¹ Black C. The Dynamics of Modernization. A Study of Comparative History. N. Y., 1966. P. 90—92; Black C., Jansen M. e. a. The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study. N. Y., 1975.

¹² На его основе делались практические рекомендации: если помочь развивающимся странам «пройти через переходную стадию и осуществить надежный взлет», то можно сохранить их в орбите капиталистической системы хозяйства. См.: Rostow W. W. Op. cit. P. 134, 163.

¹³ Laue Th. Die Revolution von Aussen als erste Phase der russischen Revolution. 1917 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1956. Hf. 2. S. 139; Idem. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia, 1964. P. 17.

¹⁴ Schuman F. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. N. Y., 1957. P. 24.

¹⁵ «Весьма длительное изучение историками в основном экономической базы русского империализма, — отмечает советский историк О. Ф. Соловьев, — привело к констатации среднего уровня его развития и отсутствия кардинальных отличий от империализма других стран. Была отвергнута версия полукOLONиальной зависимости России от западных держав» (Соловьев О. Ф. Международный империализм — враг революции в России. М. 1982. С. 20).

так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических»¹⁶. Несмотря на преимущественно аграрный характер страны, в ней имела место высокая концентрация промышленно-финансового капитала, все большее влияние приобретали монополистические объединения¹⁷. Формирование государственно-монополистического капитализма ускорилось в годы первой мировой войны.

В буржуазной литературе вопрос об уровне развития России смешивается с ее слабостью как одного из звеньев мировой капиталистической цепи. Россия являлась страной среднеразвитого капитализма, а по месту и роли в системе мирового империализма была узловым пунктом противоречий всей системы, самым слабым ее звеном¹⁸. Победа социалистической революции была вызвана не отсталостью страны, а созревaniem в ней необходимых социально-экономических предпосылок, перемещением в Россию центра международного революционного движения¹⁹.

В 60-х годах разработка этих проблем советскими учеными, определенное влияние методологии марксизма на буржуазную историческую науку, а также сама логика исследования процесса «модернизации» на основе буржуазных схем подтолкнули интерес западных историков к социально-экономическим предпосылкам Октябрьской революции. Внимание, однако, сосредоточивается на простой констатации уровня производительных сил без диалектического понимания всей совокупности социально-классовых противоречий в России, что приводило к вульгарному экономизму. На этой основе была выдвинута версия о «мирной стабилизации», согласно которой «Россия могла бы пройти свой путь к модернизации мирно», без революции, не будь первой мировой войны²⁰. Мысль о «рождении революции из войны», доказываемая с помощью теории «модернизации», была на деле заимствована у кадетского историка П. Н. Милюкова. Той же версии придерживались, как известно, и меньшевики: «Если и была какая-

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 378.

¹⁷ «Отсталость и аграрный характер экономики царской России сочетались с наличием высокоразвитого капитализма», — подчеркивают авторы исследования о ленинской теории социалистической революции. См.: Федосеев П. Н., Александров С. В., Загладин В. В., Тропкин Н. В. Указ. соч. С. 23.

¹⁸ «Пролетариат побеждает прежде всего в странах, являющихся слабыми звеньями в цепи империализма, которым вовсе не обязательно должны стать страны с наивысшим уровнем промышленного развития» (Федосеев П. Н., Александров С. В., Загладин В. В., Тропкин Н. В. Указ. соч. С. 41).

¹⁹ В советской историографии всесторонне разработана концепция перемещения центра международного революционного движения в Россию. См.: Минц И. И. Перемещение центра мирового революционного движения с Запада в Россию // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 739; Он же. История Великого Октября. Т. 1. С. 90—91.

²⁰ Imperial Russia after 1961. Peaceful Modernization or Revolution?/Ed. with an Introd. by A. Adams. Boston, 1965. P. VII, XIV, 95; Chamberlin W. The Short Life of Russian Liberalism // Russian Review. 1967. Apr. P. 152.

то причина русской революции, то это, несомненно, первая мировая война»²¹.

Этого тезиса продолжают придерживаться и некоторые авторы современных работ, пытающиеся установить жесткую логическую связь между войной и революцией²². Между тем, как подчеркивается в советских исследованиях, В. И. Ленин никогда не связывал победу пролетариата в отдельных странах только с империалистическими войнами²³.

Первая мировая война, конечно, вызвала резкое перенапряжение всех социально-экономических и политических противоречий в России, она была ускорителем революционного процесса, но не вызвала революцию. «Господство капитализма прекратилось бы невозможно, — писал В. И. Ленин, — если бы к этому не вело все экономическое развитие капиталистических стран. Война ускорила этот процесс, и это сделало капитализм невозможным. Никакая сила не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрыла история»²⁴.

С помощью тезиса о войне как первопричине революции буржуазная историография пытается представить дело так, будто война — обязательное и необходимое условие социалистической революции. Между тем марксисты никогда не ставили возможность победы социалистической революции в прямую зависимость от войны и не считали, что в интересах революции следует идти навстречу войне. Марксизм, подчеркивал В. И. Ленин, «всегда отрицал „подталкивание“ революций, развивающихся по мере созревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»²⁵. Не следует забывать, что и сама война, как и много других факторов, подрывающих устои капитализма, является закономерным порождением последнего.

■

Большое оживление в буржуазной историографии наблюдалось в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции. В то время как прогрессивная общественность мира торжественно отметила непреходящее, всемирно-историческое значение первой в мире социалистической революции, на Западе представители «советоведения» пытались организовать свое «контрпразднование». К юбилею были приурочены обобщающие издания и специальные монографии, посвященные истории российского революционного движения, Февральской и Октябрьской

²¹ Abramovitch R. The Soviet Revolution. 1917—1939. N. Y., 1962. P. 1.

²² Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt. March-April 1917. Princeton, 1979. P. 89; Thompson J. M. Revolutionary Russia. 1917. N. Y., 1981. P. 13—17.

²³ Федосеев П. Н., Александров С. В., Загладин В. В., Тропкин Н. В. Указ. соч. С. 45.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 99.

²⁵ Там же. Т. 35. С. 403.

революциям, 50-летнему пути, пройденному советским народом²⁶.

Важнейшим явлением конца 60-х—начала 70-х годов, когда усилилась тенденция приспособления империализма к условиям, сложившимся в противоборстве с социализмом, было образование и оформление радикального направления, представители которого выступили с резкой критикой тезисов апологетической историографии. Основоположник нового направления В. Э. Вильямс²⁷ дал следующую оценку Октябрьской революции: «Большевики, захватившие власть в России 7 ноября 1917 г., гордо и с вызовом присягнули тому образу будущего, который был предложен К. Марксом в 1848 г. Прошлое угрожало превратиться в настоящее»²⁸.

Международное значение Октябрьской революции освещалось в книгах историков-радикалов Г. Левина и А. Мейера. Весьма убедительно в них отражена контрреволюционная роль США и других западных держав, пытавшихся силой оружия подавить вспыхнувшее под влиянием Великого Октября революционное движение во всех странах. «После 1917 г.,— писал Г. Левин,— вильсонизм и ленинизм пришли в столкновение как два противоположных метода продвинуть мир из империалистического прошлого в прогрессивное будущее»²⁹. Профессор Принстонского университета А. Мейер отмечал, что США «хотели уничтожить большевистскую революцию», а также подавить революцию в Германии и Венгрии³⁰. Однако позиция историков-радикалов была непоследовательной. Проявлялась, в частности, тенденция к идеализации сил контрреволюции³¹.

Для буржуазной историографии в целом в этот период характерными стали попытки более объективного подхода к оценке

²⁶ Критический анализ этой литературы см.: Марушкин Б. И. Указ. соч. С. 160—197; Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971; и др.

²⁷ Еще в 1952 г., в разгар «холодной войны», В. Э. Вильямс призывал США «продемонстрировать мужество, признав всеобъемлющий вызов большевистской революции и ее последствий». Он подчеркивал ответственность за развязывание «холодной войны» Соединенных Штатов, которые, по его словам, в 1918 г. «посеяли в Восточной Европе зубы драконов», а теперь пожинают бурю. В те годы, писал Вильямс, правительство Вильсона вопреки «серьезному желанию большинства американского народа вернуться к мирной жизни» отвергло советские «мирные инициативы и начало интервенцию, основной целью которой было уничтожение Советского государства» (Williams W. A. American-Russian Relations. 1781—1947. N. Y., 1952. P. 121, 152—158, 281—283).

²⁸ Williams W. A. America Confronts a Revolutionary World. 1776—1976. N. Y., 1976. P. 149.

²⁹ Levin G., Jr. Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. N. Y., 1970. P. 37.

³⁰ Mayer A. J. Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles. 1918—1919. L., 1967. P. 285—329.

³¹ А. Мейер считал, что «смягчением» с помощью реформ контрреволюционных сил (в частности, Колчака) можно было продолжить путь к «демократизации» России. См.: Mayer A. J. Politics and Diplomacy of Peacemaking. P. 12, 15, 22.

Октябрьской революции. Они прослеживаются, в частности, в обобщающей статье в изданном в Нью-Йорке в 1973 г. томе 6 энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество». Многие историки на Западе, по мнению ее составителей, все более склоняются к признанию объективной закономерности победы Октябрьской революции, ссылаясь на следующие основные факторы: бессилие Временного правительства, его неспособность прекратить участие России в первой мировой войне, решить национальный вопрос, вопрос о земле, экономические проблемы, отсутствие у него авторитета в глазах рабочего класса. Признавалось также возросшее влияние партии большевиков в период с июня по октябрь 1917 г., обусловленное завоеванием ими большинства в некоторых важнейших Советах (в Петрограде, Москве)³². На ряду с этими признаниями, однако, повторялись вымыслы о «верхушечном перевороте», о «немарксизме» Октябрьской революции.

В энциклопедии подвергалась критике трактовка Октябрьской революции сквозь призму разного рода «телеологических» концепций, в частности теорий «модернизации». «При критическом рассмотрении интерпретаций Октябрьской революции в свете подобных сравнительных подходов, — отмечалось в энциклопедии, — нельзя не обратить внимание на идеологический элемент в теориях модернизации. Телеологические нормы, навязываемые истории, очень часто — особенно в американских исследованиях — отражают вульгаризированные идеалы западного индустриального общества... Подобные всеобъемлющие теории не могут иметь особого значения для анализа Октябрьской революции. Для исторического исследования всегда необходимо перейти от общих схем к изучению конкретных проблем русской революционной истории»³³.

Тем не менее в исследовательской практике 70-х годов продолжалось использование «всеобъемлющих теорий» и социологических схем при анализе Октябрьской революции. Изучение же конкретных проблем революции вновь и вновь оборачивалось попытками в несколько обновленной форме повторить привычные стереотипы.

В целях использования давно опровергнутых концепций, придания им видимости «научности» и «объективности» на Западе издаются сборники, содержащие выдержки из мемуаров и «исторических» документов. Их цель — заставить читателя посмотреть на Октябрьскую революцию глазами ее врагов. Рекламируя сборники, издатели утверждают: «В необычайной степени они (выдержки. — А. К.) позволяют нам занять первые места в театре Русской революции, увидеть, услышать и понять больше того, что было доступно какому-либо отдельному человеку, самому пережившему ее»³⁴.

³² Marxism, Communism and Western Society. N. Y., 1973. Vol. 6. P. 135—136.

³³ Ibid. P. 147.

³⁴ The Russian Revolution/Ed. by R. V. Daniels. Englewood Cliffs (N. J.), 1972. P. V.

Если, однако, обратиться к сборнику, составленному, например, профессором Р. Даниелсом, то нетрудно убедиться, что перед нами не реальные события, а поистине «театр», на подмостках которого в ролях героев выступают враги революции. Для описания апрельского кризиса источником служат мемуары кадетского лидера Милюкова, для июльских событий — мемуары Керенского и меньшевика Суханова. О крестьянских восстаниях рассказ ведется с точки зрения эсера Чернова. Описание Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде дается на основе сборника документов, подготовленного при участии Керенского. И хотя в нем имеются отдельные ссылки на В. И. Ленина, они буквально тонут в потоке кадетской и меньшевистско-эсеровской клеветы, заботливо переизданной в США, Англии, ФРГ. По тому же принципу составлены сборники под редакцией М. Хеллмена, Р. Пайпса, Ф. Соболева и др.³⁵ Вводятся в оборот также записки российских либералов и оппортунистических лидеров, хранящиеся в библиотеках и архивах США. Ссылками на «новые» документы пестрят, в частности, изданные в 70-х годах исследования о гражданской войне и иностранной интервенции³⁶.

«Новые» документальные источники использовались не только для того, чтобы вдохнуть жизнь в давно опровергнутые старые концепции (порой противоречащие друг другу), но и для внесения в них некоторых нюансов, более соответствующих условиям 70-х годов. При смешении разнородных, не согласующихся между собой концепций естественным результатом становится алогичность, противоречивость общей позиции. Особенно наглядно она проявляется при трактовке ленинской теории социалистической революции, которая, будучи теоретической базой международного рабочего и национально-освободительного движения, является центральной мишенью для фальсификаторов. Одним из наиболее распространенных является тезис о «немарксизме» Октябрьской революции, который, однако, вполне уживается с попытками дискредитировать ее именно как революцию социалистическую, марксистскую. Октябрьская революция не являлась, утверждал Р. Даниелс, «продуктом условий, предусматриваемых Марксом. Она не была плодом промышленной зрелости страны». «В 1917 г. революция пришла не в Западную Европу, а в слабо-развитую Россию», — писал автор учебника А. Грей. Следовательно, заключал историк Дж. Данн, «Октябрьская революция не имела ничего общего с „классическим марксизмом“»³⁷.

³⁵ *Revolutionary Russia*/Ed. by R. Pipes. Cambridge (Mass.), 1968; *History of the October Revolution*/Ed. by F. Sobolev et al. N. Y., 1968; *Die Russische Revolution. Dokumente* Herausgegeben von Manfred Hellman. München, 1969; *Dziewanowski M. The Revolution: An Anthology*. N. Y., 1970.

³⁶ *Heald E. Witness to Revolution*. Kent State University Press, 1972; *Huckett R. The White Generals*. L., 1971; *Jackson R. At War with the Bolsheviks*. 1917—1920. L., 1972; *Bradley J. Civil War in Russia*. 1917—1920. L., 1975.

³⁷ *Daniels R. The Nature of Communism*. N. Y., 1967; *Grey I. The Horizon History of Russia*. N. Y., 1970. P. 328; *Dunn J. Modern Revolutions. An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. L., 1970. P. 26.

Делались ссылки и на «философию». Между рационально-детерминистской философией Маркса и «волюнтаристским факто-ром» ленинизма существует конфликт, заявлял К. Маккензи. А. Улам обвинял большевиков в отрыве от «историко-детерминистских корней» марксизма ³⁸.

Попытки буржуазных историков противопоставить Октябрьскую революцию и ленинизм марксизму не выдерживают научной критики. Победа Октябрьской революции — ярчайшая конкретная демонстрация жизненности революционных идей, торжества единственной научной теории общественного развития — марксистско-ленинского учения ³⁹. Блестяще подтвержденная на опыте Октябрьской революции и революций в других странах, ленинская теория социалистической революции является творческим развитием марксизма применительно к условиям империализма. Ее положения — об исторической неизбежности, предпосылках и формах социалистической революции, о революционной ситуации, движущих силах революции, органической связи борьбы за демократию и борьбы за социализм, о единстве и многообразии мирового революционного процесса — имеют непреходящее значение для международного рабочего и национально-освободительного движения. Этим и объясняется стремление буржуазных историков направить против них удар.

В 70-х годах повторялся со ссылками на «новые документы» тезис о «случайности» победы Октябрьской революции, наличии «иных путей» решения назревших социальных проблем. С другой стороны, в ряде работ буржуазных авторов эти тезисы решительно опровергались. «Революция 1917 г. — признавал английский историк П. Дюкс, — была органическим следствием эволюции русской истории и ни в каком смысле не была неудачной случайностью или трагедией, которую можно было бы предотвратить». После 1917 г., отмечалось в американской энциклопедии, «не было признаков каких-либо политических моделей в России или других странах, которые смогли бы представить практическую альтернативу моделям социалистических революционеров» ⁴⁰.

Высказывались и критические соображения по поводу укоренившегося в буржуазной историографии меньшевистского тезиса о «большевистском перевороте». «Совершенно неправы те, — писал английский историк П. Дюкс, — кто доказывает, будто Октябрьская революция была всего лишь верхушечным переворотом и что ее нельзя в полном смысле слова считать марксистской революцией». Проходившие еще в июне массовые демонстрации, кон-

³⁸ McKenzie K. Lenin's «Revolutionary Democratic Dictatorship of the Proletariat and Peasantry» // *Essays in Russia and Soviet History* / Ed. by J. Curtiss. N. Y., 1963. P. 149; Ulam A. Reflections on the Revolution // *Survey*. 1967. July. P. 9—10.

³⁹ Ильичев Л. Ф. Исторический материализм: Проблемы методологии. М., 1983. С. 14—35, 216—224.

⁴⁰ Dukes P. A History of Russia. L., 1974. P. 207; Marxism, Communism and Western Society. Vol. 6. P. 148.

статуют составители американской энциклопедии, «свидетельствовали о растущем влиянии пропаганды большевиков, которые обещали немедленно закончить войну, решить без промедления аграрный вопрос и повсеместно установить право наций на самоопределение; иными словами, они обещали выполнить ожидания, которые все остальные политические силы до тех пор были не способны удовлетворить... Полицейские акты против большевиков... были не в состоянии в конечном счете сдержать все растущий отклик, который последние вызывали среди рабочих и солдат». В силу всего этого установление Советской власти в октябре 1917 г. «было не столько результатом большевистского заговора, — подчеркивается в американской энциклопедии, — сколько последствием политического банкротства правительства Керенского»⁴¹.

Хотя ряд историков продолжали твердить о «верхушечном перевороте»⁴², в то же время — и это характерно для буржуазной историографии 70-х годов — выдвигался «аргумент», полностью ему противоречащий, — об «отсутствии инициативы» у партии большевиков, ее «неспособности» осуществить руководство революцией, вспыхнувшей якобы «стихийно»⁴³. У большевиков-де не было «единства взглядов» по вопросу о вооруженном восстании, отсутствовал план восстания, не определена его дата и т. п.⁴⁴ В большинстве случаев умалчивалось о VI съезде РСДРП(б), его решениях, и прежде всего о принятии ленинского курса на вооруженное восстание.

Известно, что вопросы осуществления социалистической революции, практической организации вооруженного восстания и роли в этом марксистской партии глубоко и всесторонне обоснованы в трудах В. И. Ленина. Ленинские установки были блестяще осуществлены в октябре 1917 г. под руководством партии большевиков⁴⁵. Победа Октябрьского вооруженного восстания стала началом триумфального марша социалистической революции.



Конец 70-х — начало 80-х годов отмечены новым всплеском интереса буржуазных историков, особенно в США и Англии, к изучению Великой Октябрьской социалистической революции.

⁴¹ Dukes P. Op. cit. P. 222; Marxism, Communism and Western Society. Vol. 6. P. 135, 137.

⁴² The Mensheviks in the Russian Revolution/Ed. by A. Ascher. L., 1976. P. 32.

⁴³ В октябре 1917 г., утверждал Дж. Дани, произошел всего лишь «стихийный бунт» рабочих, «наносивших удары более или менее вслепую» и «не поддержанных какими-либо другими слоями общества» (Dunn J. Op. cit. P. 33—34).

⁴⁴ Daniels R. V. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. N. Y., 1967. P. VIII, 79; The Russian Revolution/Ed. by V. D. Medlin. Hinsdale (Ill.), 1974; Service R. The Bolshevik Party in Revolution. 1917—1923. N. Y., 1973.

⁴⁵ Подробнее см.: Совекин А. М. На путях к Октябрю: Проблемы мирной и вооруженной борьбы за власть Советов. М., 1977. С. 245—291; Вопросы тактического и организационного руководства партии большевиков в период трех революций. М., 1980.

Он обусловлен основными тенденциями мирового развития в современную эпоху: дальнейшим усилением позиций капитализма; укреплением потенциала мира, объединяющего социализма, международное рабочее и коммунистическое движение, молодые независимые государства, антивоенные демократические движения; повышением роли народных масс, выступающих за обновление жизни на справедливых началах. С другой стороны, наблюдается нарастание противодействия позитивным переменам в мире со стороны агрессивных сил империализма. В буржуазной историографии происходят противоречивые процессы: усиление реакционных тенденций соседствует с попытками осмысления исторических уроков Октября в свете насущных проблем современности — борьбы за мир и социальный прогресс.

Наряду с общими работами по истории Великой Октябрьской социалистической революции выходят исследования, посвященные отдельным проблемам: специфике революции на национальных окраинах, соотношению войны и революции, вопросам борьбы за «демократические свободы» и др. Велико число работ, в которых анализируется роль народных масс, в частности рабочего класса, в Октябрьской революции, деятельность партии большевиков⁴⁶.

В работах 80-х годов отчетливо выражена противоречивость взглядов, о которой говорилось выше: признание всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции сопровождается в то же время попытками развенчать ее именно как революцию социалистическую.

«Русская революция глубоко отразилась на современной мировой истории. Ее влияние ощущается во всех уголках планеты. Повсюду наложила она свой отпечаток — на народы, идеи, события». Этими словами открывается изданная в 1981 г. книга профессора Дж. Томпсона, представляющего Координационный совет американских университетов. О международном значении Октябрьской революции вновь говорится в заключении книги. Созданное революцией «социалистическое государство в России», писал Томпсон, — стимулировало сопротивление капитализму и фашизму, поддерживало надежды на революцию во многих странах... Победоносные коммунистические революции в Китае, Вьетнаме, на Кубе были вдохновлены, с одной стороны, идеалами русской революции, а с другой — существованием социалистического государства в России... Трудно представить, чтобы эти крупнейшие события могли произойти без примера русской ре-

⁴⁶ Stites R. *Utopia and Experiment in the Russian Revolution: some preliminary thoughts*. Wash., 1981; Ferro M. *October 1917*. L., 1980; Dotsenko P. *The Struggle for a Democracy in Siberia, 1917—1920*. Stanford, 1983; Ezer-galis A. *The Latvian Impact on the Bolshevik Revolution*. Boulder, 1983; Fitzpatrick S. *The Civil War as a Formative Experience*. Wash., 1981; Koenker P. *Lenin and the Freedom of the Press*. Wash., 1981; Mace J. E. *Communism and the Dilemma of Soviet Liberation*. Cambridge (Mass.), 1983; Suny R. G. *Nationalism and Social Class in the Russian Revolution*. Wash., 1980; Koenker D. *Moscow Workers and the 1917 Revolution*. Princeton, 1981.

волюции... Если треть населения мира живет сегодня под эгидой правительств, называющих себя социалистическими, а некоторые страны третьего мира обращаются к примеру России в поисках пути преодоления отсталости... то во всем этом видна часть наследия 1917 г. в России»⁴⁷.

Подобные признания содержатся и в ряде других работ, написанных в 80-е годы. Было бы, однако, ошибкой на этом основании судить о «прозрении» буржуазных историков, о переходе их к объективным оценкам первой в мире социалистической революции и произведенного ею переворота в мировой истории. Анализ новейших работ убеждает в том, что целью их авторов хотя и в более завуалированной форме. В обиход введен расплывчатый термин «русская революция». Используется он для того, чтобы стереть грань между Февральской буржуазно-демократической и Октябрьской социалистической революциями, а затем растворить ту и другую (в качестве «простых инцидентов») в «более широком революционном процессе», отражавшем «дезинтеграцию русской социальной системы» с конца XIX в. За одно размываются и хронологические рамки: речь идет то о «восьми месяцах в 1917 г.», то о периоде с 1917 по 1921 г. или даже с 1917 по 1928 г.⁴⁸

Октябрьская социалистическая революция стараниями буржуазных историков низводится до уровня заурядного события, одного из многих «бурных эпизодов»⁴⁹, которыми отмечена борьба народов России за осуществление «мечты о лучшей жизни»⁵⁰. Сочувствуя на словах этой борьбе, Томпсон сетует по поводу сорванных первой мировой войной возможностей «мирного развития русского общества, ненасильственной эволюции» и «постепенной индустриализации» и одновременно, не замечая алогизма, сожалеет, что в августе 1917 г. не нашелся «умелый генерал», который сделал бы то, что не удалось Корнилову: установил «жесткую военную диктатуру»⁵¹.

Противоречивость проявляется и при трактовке роли народных масс в Октябрьской революции. Авторы новейших работ, с одной стороны, красочно повествуют о «революции снизу», о широкой волне революционных выступлений летом и осенью 1917 г. рабочих, крестьян, солдат, угнетенных народностей национальных окраин⁵², а с другой — настойчиво пытаются убедить в том, якобы в период Октября трудящиеся массы находились в состоя-

⁴⁷ Thompson J. M. Op. cit. P. IX, 187.

⁴⁸ Ibid. P. X—XIII.

⁴⁹ Ibid. P. XV.

⁵⁰ Тема «неосуществленной мечты», искусственно раздуваемая, кочует сегодня из книги в книгу. См.: Stites R. Op. cit. P. 17, 34—35.

⁵¹ Thompson J. M. Op. cit. P. 9, 17, 108.

⁵² Mandel D. The Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. July 1917—July 1918. L., 1984; Smith S. A. Red Petrograd: Revolution in the Factories. 1917—1918. Cambridge, 1983.

нии «летаргии», «пассивно» наблюдали за захватом власти партией большевиков⁵³.

Д. Мандель в книге, посвященной петроградским рабочим, ведет рассказ о высоком накале революционной борьбы на фабриках и заводах. Петроградские рабочие, писал он, стояли во главе революционного движения. Они решительно поддерживали большевиков, требовали установления власти Советов, в которой усматривали «единственную реальную альтернативу экономическому развалу и неизбежному поражению от сил контрреволюции». Когда вооруженное восстание началось, продолжает Мандель, «рабочие его безоговорочно поддерживали», но, подчеркивает автор, «непосредственно в нем не участвовали». В результате, как он считал, была установлена власть не пролетариата — «главной активной общественной силы на стороне революции», а партии большевиков⁵⁴.

Та же алогичность характерна и для рассуждений Дж. Томпсона. С одной стороны, он писал о «влиянии» и «популярности» среди широких трудящихся масс партии большевиков, которая, как подчеркивал автор, «с середины сентября и до начала декабря 1917 г. выступала от имени большинства политически сознательного населения России». Ни у одной партии, кроме большевистской, не было программы, которая бы «так точно соответствовала тому, к чему с таким отчаянием стремился русский народ» — миру, земле, рабочему контролю, самоопределению народов. С другой — Томпсон вновь повторял меньшевистскую версию о «верхушечном перевороте», совершенном «партией меньшинства» во имя узкопартийных целей. «Массы были едва различимы в Октябрьской революции, — заявлял он, —...они фактически не участвовали в ней»⁵⁵. Этот вывод использовался для рассуждений о «недемократичности» Октябрьской революции и созданного в результате революции социалистического государства.

Буржуазные историки, таким образом, впадают в явное противоречие: отрицание народности Октябрьской революции следует у них за констатацией того факта, что народ шел за большевиками. Признание народного характера революции, массовой опоры партии большевиков, большевизации Советов осенью 1917 г. сопровождается обычными для буржуазной историографии ссылками на «переворот», «диктатуру партии». Этот алогизм характерен для новейших трудов буржуазных историков, которые вопреки очевидным фактам продолжают чернить советскую социалистическую демократию.

Прослеживается и другой мотив в современной буржуазной историографии США — возобновившиеся поиски «альтернативы» Великому Октябрю. Историки-либералы, проявляя привычную

⁵³ Thompson J. M. Op. cit. P. 88, 119.

⁵⁴ Mandel D. Op. cit. P. 262, 312, 320—321, 419.

⁵⁵ Thompson J. M. Op. cit. P. 123, 130, 164—165, 180.

непоследовательность, с одной стороны, сетуют на «неосуществляющуюся мечту о демократическом социализме»⁵⁶, а с другой — выражают симпатии к приверженцам «среднего курса», к которым причисляют и генерала-монархиста Деникина⁵⁷. Дж. Брэдли, например, изображает Деникина как далекого от политики солдата, защищавшего «общенациональные» интересы России. По оценке этого автора, тот «не был ни либералом, ни реакционером... не доверял крайним ни справа, ни слева... Когда ему навязывали политические решения, он пытался взять средний курс»⁵⁸.

В этой связи большой интерес представляют новейшие работы советских историков, которые на большом фактическом материале раскрывают подлинную реакционную сущность российской белогвардейщины, пытавшейся в образе некоей «третьей силы» олицетворять «чистую демократию»⁵⁹. «Контрреволюция, — подчеркивает Г. З. Иоффе, — в своем развитии почти безостановочно смещалась вправо, пока не дошла до своей крайней точки — кровавой военно-монархической диктатуры Колчака, ликвидировавшей и многих из тех, кто пытался сыграть роль „третьей силы“»⁶⁰.

Для американских «советологов» фигура Колчака, как и других главарей белогвардейщины, представляет, по их признанию, «более, чем исторический интерес». Изучая «динамику коммунистических движений в третьем мире»⁶¹, буржуазные историки ищут рецепты борьбы с этими движениями «в опыте» российской контрреволюции⁶².

Симптоматично, что историки-радикалы, со второй половины 70-х годов заметно сдвинувшиеся вправо, от утверждений о «демократичности» несостоявшегося «верховного правителя» России перешли к теоретическим рассуждениям о преимуществах «консервативного центра». Для последнего, как считал, например, А. Мейер, в равной мере опасна угроза как справа, так и слева. Он писал о «симбиотическом сплетении», «двуликом Янусе» рево-

⁵⁶ Ferro M. The Russian Revolution of February 1917. Englewood Cliffs, 1972; Idem. October 1917. L., 1980; Rosenberg W. Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974; Getzler I. Kronstadt. 1917—1921. The Fate of a Soviet Democracy. Cambridge, 1983.

⁵⁷ Подробнее см.: Поликарпов В. Когда революция в опасности // Коммунист. 1982. № 3. С. 79—80.

⁵⁸ Bradley J. Op. cit. P. 131; см. также: Kenes P. The First Year of the Volunteer Army. Civil War in South Russia. L., 1971.

⁵⁹ Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. М., 1973; Спиринов Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1974; Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982.

⁶⁰ Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 6.

⁶¹ Hough J. F., Fainsod M. How the Soviet Union is Governed. L., 1979. P. 39, 108.

⁶² В книге Дж. Хауа и М. Фейнсоды деятели типа Пиночета именуются «чилийскими Корниловыми» (Ibid. P. 76).

люции и контрреволюции, об интервенционизме, который «в равной мере» исходит от сил реакции и контрреволюции⁶³.

В 80-х годах в попытках отрицать закономерность социальных революций, и в первую очередь Великой Октябрьской социалистической революции, некоторые буржуазные историки обращаются к «новейшим» методологическим разработкам, предложенным представителями субъективно-идеалистических, философских течений. Отталкиваясь от общих утверждений об «индетерминизме» исторического процесса, решающего об «индивидуальности» исследователя, Д. Портер, например, доказывая «относительность» самого понятия «революция», означавшей всего лишь тип перемены, значительно более интенсивный, чем «эволюция»⁶⁴. Источником социальной революции, считал Портер, являются конфликты между отдельными индивидуумами, которые затем находят выражение в групповых конфликтах. Основу же индивидуальных конфликтов следует искать в столкновении «идеалов» и «комплексных концепций». «Так, — иллюстрирует он свою мысль, — накануне русской революции нарастало напряжение между отдельными событиями, поведением отдельных индивидуумов, групп и институтов, которое распространилось на принципы политической, экономической, религиозной и социальной организации. Последовал разрыв существующей структуры уровней восприятия...»⁶⁵

Портер, таким образом, пользуясь расплывчатым термином «русская революция», переносил вопрос о характере и движущих силах Октябрьской революции из сферы классового анализа реального всемирно-исторического события в область неуловимых абстракций, которая, как доказывал он, находится полностью во власти субъективных мнений отдельных историков. «Определение контрастов и анализ их трансформаций зависят от оценок историков, — писал Д. Портер. — Возможны различные мнения для установления наличия относительной стабильности или изменений (в обществе. — А. К.)»⁶⁶.

Эти туманные рассуждения имеют отчетливую идеологическую направленность. Руководствуясь подобным «абстрактным» подходом к историческим явлениям, в частности к проблеме революции, пояснял Д. Портер, «можно рассчитывать... на постепенное сужение пропасти, разделяющей альтернативные интерпретации», «сужение спектра аргументов и их интенсивности», создание «единой структуры» восприятия⁶⁷.

Тщетны, однако, расчеты буржуазных историков на то, что с помощью подобных хитросплетений удастся «отменить» идеоло-

⁶³ Mayer A. J. Dynamics of Counterrevolution in Europe. 1870—1956. An Analytic Framework. N. Y.; L., 1976. P. 13—14, 23—25, 47, 79. Касаясь периода после второй мировой войны, Мейер приравнивает внешнюю политику социалистических стран к капиталистическим. См.: Ibid. P. 32, 139.

⁶⁴ Porter D. The Emergence of the Past. Chicago, 1981. P. 145.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Ibid. P. 146.

⁶⁷ Ibid. P. 146, 150.

гическую борьбу по вопросам истории Великой Октябрьской социалистической революции. Попытки перенести аргументацию в сферу «восприятия» свидетельствуют о поисках буржуазными историками более изощренных доводов в подтверждение своего излюбленного тезиса о ее «случайности».

По мере приближения знаменательной даты — 70-летия Великой Октябрьской революции изучение истории первой в мире социалистической революции становится более интенсивным. В октябре 1984 г. создана Международная комиссия по истории Октябрьской революции, объединяющая усилия историков многих стран (президент — академик И. И. Минц). Одним из ее вице-президентов является американский историк А. Рабинович, в состав бюро вошли П. Дьюкс (Великобритания), Д. Гейер (ФРГ). В докладах академика И. И. Минца и директора Института истории АН СССР доктора исторических наук С. С. Хромова, участников первого заседания комиссии (29–30 августа 1985 г., в рамках работы XVI Международного конгресса исторических наук в Штутгарте), дается убедительная, исчерпывающая картина размаха и глубины изучения истории Октябрьской революции в Советском Союзе⁶⁸.

Профессор Индианского университета А. Рабинович, автор книги «Большевики приходят к власти», изданной в Нью-Йорке в 1976 г.⁶⁹, высоко оценил предпринятую попытку к объединению усилий ученых разных стран в деле изучения Октябрьской революции⁷⁰. Историк из Чикаго П. Кирстейн в докладе «Атомный век и революция: дух Октября» обратил внимание на то, что «в день Октябрьского восстания в Петрограде Ленин подписал Декрет о мире, который доныне остается авторитетнейшим документом антивоенной и антиимпериалистической борьбы»⁷¹.

Признания буржуазными историками всемирно-исторического значения Великого Октября, участвовавшие в последнее время, свидетельствуют о сложных процессах, происходящих в американской буржуазной историографии. Ее наиболее дальновидные представители, обращаясь к истории первой в мире социалистической революции, вынуждены считаться с реальностями современного мира, в котором социалистическая система стала решающим фактором мирового развития.

Вместе с тем нельзя закрывать глаза на преимущество в буржуазной историографии антикоммунистических стереотипов.

⁶⁸ Семенов С. С. История Великого Октября на XVI Международном конгрессе исторических наук в Штутгарте // История СССР. 1986. № 3. С. 190–200.

⁶⁹ Rabinowitch A. The Bolsheviks come to Power. N. Y., 1976.

⁷⁰ «Если она (Международная комиссия.— А. К.) сыграет даже скромную роль в стимулировании новых значительных исследований по истории Октябрьской революции,— отметил американский ученый,— а также в организации сотрудничества между специалистами всех стран, изучающими Октябрь в России, то ее создание будет полностью оправдано» (цит. по: Семенов С. С. Указ. соч. С. 195).

⁷¹ Цит. по: Там же. С. 196.

Сейчас, как и в прошлом, продолжаются попытки исказить социально-политические предпосылки Октябрьской революции, отрицать историческую миссию рабочего класса в качестве гегемона социалистической революции, руководящую роль Коммунистической партии, всемирно-историческое значение образования республики Советов — первого в мире государства пролетариата. Старые, разоблаченные еще В. И. Лениным мифы и легенды, дабы придать им видимость правды, преподносятся в несколько обновленной форме. Однако вдумчивыми исследователями они воспринимаются с возрастающим скепсисом, о чем, в частности, свидетельствует участие ряда американских историков в деятельности Международной комиссии по истории Октябрьской революции.